

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарным производствам № и № в отношении
адвоката С.

26.02.2024

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов АП СПб Пановой В.С., Пашинского М.Л., Семеняко М.Е., членов Совета Зеленского А.В., Кучеренко И.М., Манкевича А.Е., Пальмского А.А., Подпригоры Д.А., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Саськова К.Ю., Семеняко Е.В., (участвовали очно), члена Совета Чангли А.И. (участвовал дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «ZOOM») в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 26.02.2024 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката С. (регистрационный номер в реестре адвокатов Санкт-Петербурга),

установил:

дисциплинарное производство № в отношении адвоката С. было возбуждено 06.03.2023 президентом АП СПб Семеняко Е.В.;

дисциплинарное производство № в отношении адвоката С. было возбуждено 06.03.2023 президентом АП СПб Семеняко Е.В.

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства № в отношении адвоката С. послужила жалоба адвоката Т.А.Ю., поступившая в АП СПб 08.02.2023; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 06.03.2023.

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства № в отношении адвоката С. послужила жалоба адвоката Т.С.Ю., поступившая в АП СПб 08.02.2023; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 06.03.2023.

Поскольку жалобы адвокатов Т.А.Ю. и Т.С.Ю. аналогичны по содержанию, касаются одних и тех же обстоятельств и в отношении одного и того же адвоката С., Квалифкомиссией было принято решение об объединении двух дисциплинарных производств в одно (на основании п. 2.1 ст. 20 КПЭА).

Из жалоб следует, что адвокат Т.А.Ю. совместно со своим братом и коллегой Т.С.Ю., осуществлял защиту в уголовном процессе с участием присяжных заседателей Ш.Н.А. на основании соглашения, заключённого с Ш.Н.А. В процессе судебного следствия к защите Ш.Н.А. судом была допущена адвокат по назначению С.

Как утверждают Т.А.Ю. и Т.С.Ю., адвокат С. вела себя в судебном процессе некорректно, пытаясь подчеркнуть свою исключительность, внушая их общему подзащитному, что она самостоятельно без участия адвокатов Т. сможет защитить его права.

В марте 2022 г., до вынесения приговора по уголовному делу, адвокат Т.С.Ю. выбыл из процесса, а незадолго до начала судебных прений заболел и Т.А.Ю. После представления суду соответствующих медицинских документов и по заявлению Ш.Н.А. защиту последнего вплоть до постановления приговора осуществляла уже только адвокат С.

В октябре 2022 г. адвокатам Т.А.Ю. и Т.С.Ю. стало известно, что в АП СПб на них поступили две жалобы, поданные Ш.Н.А. и Ш.Н.А., по которым были возбуждены дисциплинарные производства. Жалобы, по утверждению Т.А.Ю., содержали голословные, клеветнические утверждения о неисполнении ими своих профессиональных обязанностей и получении огромных гонораров. Ознакомившись с содержанием жалоб, адвокаты Т.А.Ю. и Т.С.Ю. пришли к выводу, что составителем данных документов являлся квалифицированный юрист, а именно адвокат С. На заседании Квалифкомиссии по рассмотрению дисциплинарных дел в отношении Т.А.Ю. и Т.С.Ю., состоявшемся 26.01.2023, присутствовала не только Ш.Н.А., но и адвокат С., представлявшая по доверенности интересы подателя жалобы.

По мнению Т.А.Ю. и Т.С.Ю., адвокат С., составляя для Ш.Н.А. и Ш.Н.А. жалобы в АП СПб, допустила нарушение требований п. 1, подп. 1 п. 2, подп. 3 п. 2 ст. 15 КПЭА, выразившееся в критике профессиональных действий другого адвоката и в обсуждении размера гонорара, взимаемого другим адвокатом. В тексте составленных С. жалоб, по утверждению Т.А.Ю., содержится клевета, а также порочится честь, достоинство и деловая репутация адвокатов Т.А.Ю. и Т.С.Ю. При этом, в нарушение требований п. 4 ст. 15 КПЭА, С. не уведомила Совет АП СПб о том, что она приняла поручение на ведение дела против другого адвоката, чем также совершила дисциплинарный проступок.

Заявляя о необходимости АП СПб дать отрицательную оценку действиям С., носящим по мнению Т.А.Ю. и Т.С.Ю. очевидный характер доносов на своих коллег, возможно, совершённых с корыстной целью, а также с целью провоцирования конфликтов с другими адвокатами, податели жалобы просят провести проверку указанных ими обстоятельств и привлечь адвоката С. к дисциплинарной ответственности.

Адвокат С. в своих пояснения указывает, что в составлении жалобы она участия не принимала, а также не оказывала Ш.Н.А. консультационной или какой-либо иной помощи при её составлении.

С просьбой представлять её интересы в дисциплинарном деле Ш.Н.А. обратилась к С. во второй половине января 2023 г., а согласие на своё участие в деле адвокат дала буквально накануне заседания Квалифкомиссии, о чём было составлено соглашение № 26-02/2023 от 26.01.2023.

С. согласилась поддержать доводы поданной Ш.Н.А. жалобы, поскольку не могла оставить свою бывшую доверительницу в этом вопросе без правовой помощи. К тому же, по мнению самой С., адвокаты Т. действительно осуществляли защиту Ш.Н.А. ненадлежащим образом, что и нашло подтверждение в последующем заключении Квалифкомиссии по их дисциплинарным делам.

Несмотря на это, до заседания Квалифкомиссии в здании на ул. Гагаринской, дом 6-а, С. обратилась к находившимся там в ожидании начала заседания адвокатам Т.А.Ю. и Т.С.Ю. и сообщила о своём участии в предстоящем слушании по их дисциплинарным делам. Однако Т.А.Ю. в присутствии Ш.Н.А. стал высказывать в её (С.) адрес оскорбления и угрозы, заявив о том, что они будут писать жалобы, подавать заявления в суд и сделают всё, чтобы её (С.) «не было в этом городе».

Так же С. пояснила, что решение Ш.Н.А. об отказе от услуг адвокатов Т.А.Ю. и Т.С.Ю. было принято им самостоятельно и на основе его собственного внутреннего убеждения. Какого-либо давления на своего подзащитного в этом вопросе С. не

оказывала, а утверждения подателя жалобы об обратном носят голословный характер и не могут быть чем-либо подтверждены в виду их очевидной недостоверности.

В отношении уведомления Совета АП СПб о принятии поручения против другого адвоката С. считает, что требования п. 4 ст. 15 КПЭА относятся к гражданско-правовым спорам против адвокатов; в данном же случае речь идёт не о споре с адвокатом, а о жалобе на действия адвокатов.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 26.10.2023 дисциплинарное производство в отношении адвоката С. необходимо прекратить вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА (подп. 2 п. 9 ст. 23 КПЭА).

Участники дисциплинарного производства письменных заявлений, в которых выражены несогласие с заключением Квалифкомиссии или его поддержка, в Совет АП СПб не направляли.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 26.02.2024 были извещены надлежащим образом, на заседание не явились, о причинах неявки не сообщили, представителя не направили, об отложении слушания дела не ходатайствовали.

Заявитель Т.С.Ю. уведомил Совет, что поддерживает свою жалобу.

Совет АП СПб, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив заключение Квалифкомиссии, соглашается с содержащимся в нём выводами, поскольку они основаны на правильно, полно, всесторонне и достоверно установленных обстоятельствах дела, которым дана верная юридическая оценка.

Так, Квалифкомиссией было установлено, что адвокат С. принимала 26.01.2023 участие в качестве представителя подателя жалоб в заседании Квалифкомиссии по объединённым дисциплинарным делам в отношении адвокатов Т.С.Ю. и Т.А.Ю.

Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией не может согласиться с доводами адвокатов Т.А.Ю. и Т.С.Ю. о том, что жалобы на них от имени Ш.Н.А. были составлены адвокатом С. в связи со следующим.

1. Разрешая вопрос о наличии или отсутствии в действиях адвоката С. признаков нарушения указанных подателем жалобы положений п. 1, подп. 1 п. 2, подп. 3 п. 2 ст. 15 КПЭА, Квалифкомиссия правомерно исходила из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований.

Адвокаты Т.А.Ю. и Т.С.Ю., заявив о своей убеждённости в составлении текста жалоб в АП СПб от имени Ш.Н.А. и Ш.Н.А. адвокатом С., не представили каких-либо доказательств, прямо или косвенно подтверждающих эту их убежденность. В то же время, в отсутствие таких доказательств нельзя согласиться с утверждением заявителей о подтверждении указанных доводов одним лишь фактом участия адвоката С. в заседании Квалифкомиссии 26.01.2023 в качестве представителя Ш.Н.А.

Как следует из представленного в материалы дисциплинарного дела соглашения № 26-02/2023 от 26.01.2023, его предметом являлось представление и защита интересов Ш.Н.А. в дисциплинарном производстве, возбуждённом по её жалобе в отношении адвокатов Т.А.Ю. и Т.С.Ю. Сведения об иных поручениях, в частности, о поручении на составление и/или подачу адвокатом С. жалобы от имени Ш.Н.А. в деле отсутствуют. При

этом ни сама адвокат, ни её доверитель не подтверждают составление текста жалобы именно С.

В связи с изложенным Квалифкомиссия пришла к обоснованному заключению, что ранее указанная презумпция добросовестности адвоката подателем жалобы не опровергнута, что исключает необходимость последующей оценки содержания ранее поданных в АП СПб жалоб Ш.Н.А. и Ш.Н.А. на предмет наличия или отсутствия в них нарушений требований КПЭА или Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре).

2. Квалифкомиссия справедливо обратила внимание адвоката Т.А.Ю. на то, что оценка обстоятельств, связанных с защитой чести, достоинства и деловой репутации, на которые заявитель ссылается в своей жалобе, должна производиться судом в рамках рассмотрения гражданского иска, заявленного по основаниям, содержащимся в фактах ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации. Так же к компетенции суда отнесено и рассмотрение дел о клевете (статья 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации), на наличие признаков которой податель жалобы так же ссылается. В полномочия квалификационной комиссии адвокатской палаты рассмотрение данных обстоятельств не входит, что должно быть известно квалифицированному юристу, которым по определению является лицо, обладающее статусом адвоката.

Так же не нашли своего объективного подтверждения доводы заявителей о некорректном поведении адвоката С. в судебном процессе и о её попытках подчеркнуть свою исключительность и внушить подзащитному, что она (С.) самостоятельно без участия Т.А.Ю. и Т.С.Ю. сможет защитить права Ш.Н.А. Помимо неконкретности данных выдвинутых против адвоката обвинений и отсутствия указаний на нормы КПЭА или Закона об адвокатуре, по мнению заявителей нарушенных адвокатом С., подателями жалобы не сообщается ни когда именно имели место подобные действия, ни в чём конкретно они выражались.

3. При рассмотрении доводов жалобы, связанных с наличием или отсутствием у адвоката, принявшего поручение на представительство лица в дисциплинарном производстве, обязанности уведомить об этом Совет соответствующей адвокатской палаты, Квалифкомиссия правомерно руководствовалась следующим.

Исходя из телеологического толкования указанных положений КПЭА, можно сделать вывод, что ст. 15 КПЭА в целом направлена на предупреждение и регулирование конфликтных ситуаций, возникающих между отдельными представителями единого профессионального адвокатского сообщества. Данное регулирование призвано, в первую очередь, способствовать реализации одного из базовых принципов организации адвокатуры – принципа корпоративности.

Положения же п. 4 ст. 15 КПЭА имеют своей непосредственной целью сбалансировать возможные проблемы между членами адвокатского сообщества, а также позволить органам адвокатского корпоративного самоуправления при необходимости контролировать возникший между двумя адвокатами конфликт в целях недопущения дестабилизации внутрикорпоративных взаимоотношений. Иными словами, органы адвокатского самоуправления должны быть осведомлены о наличии такого конфликта и иметь возможность обоснованного и своевременного вмешательства в защиту общекорпоративных интересов.

В то же время, из буквального толкования положений п. 4 ст. 15 КПЭА следует, что речь в нём идёт либо о самостоятельном обращении адвоката в суд, правоохранительные или иные органы государственной власти, либо о профессиональном представительстве при аналогичном обращении в интересах иного лица. В любом из указанных случаев, инициируя рассмотрение конфликта с коллегой компетентным органом публичной власти, адвокат обязан уведомить Совет своей адвокатской палаты, поскольку процедуры рассмотрения обращений в суд или иной государственный орган в основном предполагают открытость и гласность их проведения. В условиях такой

публичной открытости контроль за ходом конфликта между адвокатами безусловно должен быть доступен органам адвокатского корпоративного управления, поскольку недопустимое или недостойное поведение адвокатов – участников конфликта может стать достоянием широкого круга лиц и нанести ущерб авторитету адвокатуры.

Однако в процессе рассмотрения дисциплинарного дела, производство по которому строится на принципах конфиденциальности (п. 4 ст. 19, абз. 3 п. 1 ст. 23 КПЭА) и осуществляется непосредственно самими органами адвокатской палаты (п. 4 ст. 18 КПЭА), осведомлённость и контроль данных органов за поведением участвующих в таком производстве адвокатов наличествует по определению. Какие-либо дополнительные действия адвокатов – участников дисциплинарного производства и/или их представителей, направленные на обеспечение корпоративного контроля органами адвокатского самоуправления, в данном случае являлись бы очевидно излишними. В таких обстоятельствах возложение на адвоката дублирующей обязанности по уведомлению Совета адвокатской палаты о своём участии в дисциплинарном деле в качестве представителя заявителя уже не будет направлено на реализацию определённых в рассматриваемой профессионально-этической норме целей, поскольку внутрикорпоративный контроль в полной мере обеспечивается самой процедурой дисциплинарного производства.

Дополнительно в пользу вышеуказанного толкования п. 4 ст. 15 КПЭА применительно к дисциплинарному производству может свидетельствовать и содержание иных положений этого кодекса. Так, в частности, норма подп. 1 п. 1 ст. 20 КПЭА предоставляет адвокату полномочия выступить в качестве подателя жалобы на действия другого адвоката, когда такие действия (бездействие) по мнению заявителя противоречат требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также положениям КПЭА.

Очевидно, что, обращаясь с такой жалобой и фактически выступая против своего коллеги, адвокат-заявитель, тем не менее, не связан требованиями п. 4 ст. 15 КПЭА, поскольку рассмотрение его жалобы будет носить внутрикорпоративный, непубличный характер. В свою очередь, то обстоятельство, что процедура рассмотрения дисциплинарного дела отнесена к исключительной компетенции органов адвокатской палаты – квалификационной комиссии и Совета – автоматически означает как наличие осведомленности данных органов о конфликте двух адвокатов, так и внутрикорпоративный контроль за соблюдением участниками конфликта требований Закона об адвокатуре и КПЭА.

При этом используемый в абзаце втором п. 4 ст. 15 КПЭА термин «спор» (в контексте выступления одного адвоката против другого) также очевидно свидетельствует о неприменимости указанных положений к дисциплинарному делу. Процесс рассмотрения жалобы или представления квалификационной комиссией и советом адвокатской палаты по своей природе не является рассмотрением спора между адвокатом и инициатором дисциплинарного производства, поскольку он не направлен на защиту или восстановление каких-либо прав заявителя или на удовлетворение его материально-правовых требований. Предметом рассмотрения являются действия (бездействие) адвоката, а квалификационная комиссия и Совет не связаны какими-либо требованиями или пожеланиями заявителя кроме применения или неприменения к адвокату мер дисциплинарной ответственности.

Из изложенного следует, что, выступая в качестве представителя заявителя в процедуре рассмотрения дисциплинарного производства, адвокат не обязан уведомлять Совет адвокатской палаты о принятии поручения против коллеги, поскольку положения п. 4 ст. 15 КПЭА на данные правоотношения своё действие не распространяют.

С учётом изложенного Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией признаёт презумпцию добросовестности адвоката С. не опровергнутой, и не находит её вины в ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей; в действиях

(бездействии) адвоката С. не имеется нарушений положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и КПЭА.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА на основании заключения комиссии».*

При таких обстоятельствах Совет АП СПб признаёт необходимым дисциплинарное производство в отношении адвоката С. прекратить по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

прекратить дисциплинарные производства № и № в отношении адвоката С. (регистрационный номер в реестре адвокатов Санкт-Петербурга) вследствие отсутствия в её действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.